

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/61/2

ВНЕШНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ В ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

К.Ю. Рахно

Национальный музей-заповедник украинского гончарства
в Опошном

Украина, 38164, Полтавская область, Зеньковский район,
пос. Опошное, ул. Партизанская, 102

E-mail: krakhno@ukr.net

Авторское резюме

В данной статье делается попытка воспроизвести, опираясь на византийские письменные источники и изобразительное искусство, представления византийцев о внешнем виде населения Киевской Руси. Они, прежде всего, касаются антропологических характеристик русинов: очертания лица, цвета кожи, глаз, волос, мужских причесок, характера. Такие данные содержатся в исторических трудах Льва Диакона, Михаила Пселла, Анны Комнины, Георгия Пахимера. Ценным источником является также византийская мозаика Страшного суда в Торчелло, которая содержит предположительные изображения русинов и их правителя. Сведения византийских авторов X–XIII вв. не просто являются важным источником по исторической этнографии Северного Причерноморья, но и позволяют рассматривать данные о внешности русинов как часть образа «чужих», варваров, противостоявших византийской цивилизации и угрожавших ее существованию. Этот образ мог иногда смыкаться с эсхатологическими представлениями византийцев.

Ключевые слова: Византия, Киевская Русь, русины, письменные памятники, изобразительное искусство.

THE IMAGE OF THE KIEVAN RUS POPULATION IN BYZANTINE SOURCES

K.Yu. Rakhno

National Museum of Ukrainian Pottery in Opishne
102 Partyzanska Street, Opishne, Zinkiv District, Poltava Region,
38164, Ukraine
E-mail: krakhno@ukr.net

Abstract

Drawing on Byzantine written sources and fine arts, this article reproduces the Byzantine ideas about the image of the Kievan Rus population. They primarily relate to the anthropological characteristics of the Rusins: face contours, complexion, eyes and hair color, men's hairstyles, character. Such data can be found in the historical works by Leo the Deacon, Michael Psellos, Anna Komnene, Georgius Pachymeres. Another valuable source is the Byzantine mosaic of the Last Judgment in Torcello, which contains alleged images of the Rusins and their ruler. The works of the Byzantine authors of the 10th – 13th centuries are not only an important source of historical ethnography of the Northern Black Sea region. They also allow considering the data on the appearance of the Rusins as part of the image of “aliens”, barbarians who oppose the Byzantine civilization and threaten its existence. This image could sometimes merge with the eschatological beliefs of the Byzantines.

Keywords: Byzantium, Kievan Rus, Rusins, written artifacts, fine art.

В комплексе иноязычных источников по средневековой истории Северного Причерноморья важное место занимают византийские письменные памятники. С одной стороны, они представляют собой самый объемный корпус свидетельств, воспроизводящих непрерывную картину развития восточноевропейского региона с IV по XV в., с другой – эти свидетельства обладают достоинством повествований очевидцев – непосредственных участников исторических событий начальной истории Киевской Руси. Ведь византийские актовые и нарративные тексты составляют основной фонд свидетельств о Русской земле начиная с IX в. Характеристика мира варваров конкретно представлена в византийской историографии в этническом портрете.

Оживление интереса в современных византистике и славистике к изучению образа («имиджа») одного народа в историческом сознании другого тесно связано с тенденциями развития самой

историографии, в частности источниковедения последних лет. Перед византинистами встала задача восстановления изучаемой ими культуры в категориях, адекватных ей. В анализе византийско-славянских отношений это выразилось в стремлении охарактеризовать структуру образа чужого мира, формировавшегося на страницах средневековых текстов. В центре интересов исследователей оказались представления средневековых народов различных, подчас противостоявших друг другу культур. Научной задачей стало воссоздание преломленного в специфических категориях и видениях образа чужого мира, его обитателей. При этом, хотя для Византии проблема изображения человека была на протяжении столетий средоточием самых ожесточенных мировоззренческих споров, византийский литературный портрет долгое время не привлекал к себе внимания ученых. Малоисследованными являются описания не византийцев, в т. ч. и русинов, ввиду чего данная статья посвящена внешности населения Киевской Руси в византийских источниках.

Бытовые зарисовки, встречающиеся в византийских памятниках X–XIII вв., представляют собой своего рода вставки в последовательное повествование о развитии тех или иных событий. Изолированные, дикий и экзотический сами по себе эти эпизоды и составляют образ чужого мира и его обитателей. Они начали появляться сразу же, как только в византийской литературе возник интерес к индивидуальным особенностям личности, к реалистическому, а не идеальному портрету. Так, например, описание внешности великого князя Святослава Игоревича содержится у Льва, диакона Калойского (IX, 11), который присутствовал при его встрече в 971 г. с императором Иоанном Цимисхием и которого признают зачинателем реалистического, психологизированного портрета в византийской литературе: «После утверждения мирного договора Сфендослав попросил у императора позволения встретиться с ним для беседы. Государь не уклонился и покрытый вызолоченными доспехами подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сияющих золотом вооруженных всадников. Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными (εταίροις), ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с густыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая (Εψίλωμένος τὸν πῶγωνα, τὴν κεφαλὴν πάντῃ ἐφίλωτο), но с одной стороны ее свисал клочок волос (παρὰ δὲ θάτερον μέρος αὐτῆς βόστρυχος ἀπὴρῳρητο) – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все

другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он хмурым и суровым. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал» [3: 82; 19: 156–157]. Живые портретные характеристики Льва производили сильное впечатление на его современников.

Между Византией, являвшейся продолжением средиземноморской античности и Древнего Востока, и Русью как частью средневековой «варварской» Европы, лишь недавно принявшей христианство, складывались непростые отношения [30: 8–12]. Примечательно, что на византийской службе русины создавали отдельные отряды с собственными предводителями, не смешиваясь с викингами. Византийцы, следуя обычно для них тяготению к архаической терминологии, к описанию вместо этнонима, называли их тавроскифами (Ταυροσκιθαι), но итальянские источники определяют их как русинов [8: 44–45, 108–109]. Ввиду полемики о скандинавских корнях руси в высшей степени любопытна характеристика двух национальностей – норманнов и тавроскифов (русинов), сообщаемая таким приметливым философом и государственным деятелем, как Михаил Пселл (XXIV), великий мастер литературного портрета: «Они были страшны и видом своим, и наружностью; те и другие имеют светло-голубые глаза, но одни поддельывают цвет (краску) и обнажают поверхность своих щек (τοὺς ταρσοὺς τῶν βλεφάρων, т. е. бреются), другие сохраняют это в природном виде; одни ужасны в натиске, легкоподвижны и стремительны, другие яростны, но медлительны; одни неудержимы в первом порыве их нападения, но скоро насыщают свою страстность, другие же не так стремительны, но зато не щадят своей крови и презирают свои раны (буквально: не обращают внимания на куски мяса, теряемые в сражении). Они (т. е. южноитальянские норманны и русины) заключали собою цикл кругов, нося продолговатые копья и с одной стороны заостренные топоры; но последние они опирали на обоих плечах, а древки копий протягивали с той и другой стороны вперед и (таким образом) как бы осеняли кровом промежуточное пространство...» [1: 327; 29: 199]. Пселл наблюдал их, будучи послом Михаила VII Стратиотика, в лагере Исаака I Комнина в конце августа 1057 г. и осознанно сравнивал два разных народа. Русины, по его мнению, подвижны, стремительны только при первом натиске, но при неудаче скоро ослабевают. Норманны же отличаются более холодным, флегматичным темпераментом, более сдержанной и менее остывающей храбростью берсерков, не взирающих на раны [34:

43]. Русины сражаются копьями, а норманнам принадлежат секиры. С внешней стороны различие заключается в том, что одни обнажают поверхность щек и, по-видимому, подкрашивают волосы, а другие этого не делают. Византинисты усматривают здесь параллель между описанием общих признаков тавроскифов и наружностью великого князя Святослава в частности [1: 327, 328, 329].

Характерную особенность антропологического типа русинов отмечает византийская принцесса, жена кесаря Никифора Анна Комнина (III. 3) в XII в. Описывая лицо своей матери Ирины, она сообщает следующее: «Лицо ее излучало лунный свет; оно не было совершенно круглым, как у ассирийских женщин, не имело удлиненной формы, как у скифянок (οὐδ' ἄλλως ἐξεμικύνετο κατὰ τὰς Σκυθίδας, т. е. русинок), а лишь немного отступало от идеальной формы круга» [2: 121; 9: 145].

Современное представление о Византии неотделимо от фресок и мозаик с изображениями императоров и святых. Иллюстративной параллелью к сообщению диакона Льва может служить известная мозаика Страшного Суда конца XII в. в кафедральном соборе Вознесения Святой Марии на острове Торчелло в Венецианском заливе. Там некогда был важный политический и торговый центр Византийского государства. В правом нижнем углу мозаики, изготовленной в традициях византийско-равеннской школы, есть панель, на которой изображено около дюжины голов проклятых [23: 36]. У всех у них чисто выбритый подбородок, у некоторых пышные усы, а у нескольких на лоб спадает длинная прядь волос, отделенная от остальной прически. Наконец, у всех есть большая серьга в одном из ушей. Эти грешники, осужденные гореть в вечном огне, все круглолицые, у них большие выразительные глаза и ровные носы. По предположению исследователей, это воинственные варвары, наказанные за то, что воевали против опекаемой Богом Византийской империи [11: 20; 33: 711]. Лицо одного такого усача с серьгой в ухе выныривает из адского пламени чуть выше. Там два ангела с длинными копьями сбрасывают проклятых иерархов в горящее море огня. Последние представлены только головами с элементами, идентифицирующими их (магометанин в тюрбане, епископ в омофоре, монах, король, варварский вождь и т. д.) [5: 303; 13: 27; 25: 21; 27: 50]. Следовательно, усач с серьгой тоже является каким-то политическим деятелем. Вообще, Торчелло изображает правителей на верхнем фризе каждого по-своему. Каждый имеет свой разрез глаз, пропорции лица, прическу, одежду и головной убор. Даже серьга в ухе у троих разная: у предположительного русского князя это большое кольцо, как и у страдающих внизу, у царицы – маленькое, а у сельджука в цветастом арабском тюрбане – этакая каплевидная бирюлька, служащая, как и прочие, признаком экзотиче-

ского происхождения [16: 12]. Кто-то из них язычник, кто-то манихей, кто-то схизмат, кто-то еретик или ересиарх, а кто-то мусульманин. По поводу их соответствия историческим личностям выдвигались различные версии. Например, императора, которого сталкивает ангел, пытались атрибутировать как Константина V Копронима (741–775), иконоборца, которого очень похоже изображали на современной ему монете. Лысый епископ с ниспадающей бородой – это, как полагают, еретик Несторий, каким он прибыл на окончательный суд над ним. Выше – монах с бородой, которого со злобным удовольствием тащит вправо маленький бес и который, возможно, является еретиком Евтихием. За ним следует седой старик в клобуке с драгоценными камнями. Это предположительно константинопольский патриарх Сергей (610–638), еретический приверженец монофелитства. Бес пытается лишить его венца. Увенчанная диадемой императрица может являться Евдоксией, которая преследовала Иоанна Златоуста [26: 38]. Также возможно, что это не портреты конкретных людей, но узнаваемые всеми этнические стереотипы, своеобразные маски, вроде наших представлений о типичном цыгане, турке, грузине, шотландце, немце, русском, англичанине, китайце, индусе, еврее, арабе, негре. Расшифровка этих масок является однозначно перспективным направлением для византинистов.

Итак, ниже трона Сатаны, где пребывают некрещенные, есть голова мужчины с усами и серьгой в ухе. Длинный чуб, заправленный за ухо, спадает набок с его бритой головы [26: 38]. Из всех народов, известных византийцам, такую внешность имели только русины. Других народов с таким внешним обликом Византия X–XII вв., судя по письменным источникам, просто не знала. Идентификация их как наказанных скряг [25: 21; 26: 38; 27: 50] явно ошибочна. Изображения голов мужчин с бритыми бородами, длинными усами и чубами на бритых головах, а также серьгами в ушах полностью повторяют описание Святослава у диакона Льва. И тут следует вспомнить, что Русь последовательно воспринималась греками как апокалиптическая сила, грозившая империи и ее столице уничтожением [28: 243]. Византийцы считали, что перед концом света их богохранимый столичный град разрушат именно русины. Это эсхатологическое представление сохранялось и после крещения Русской земли, не вызвавшего ожидаемого отклика в византийском обществе. Существовали даже изображения того, как русины разрушают, согласно пророчеству, Константинополь. Внимание историков давно привлекло одно упоминание о русинах в топографическом путеводителе по достопримечательностям Константинополя – т. н. «Родословной Константинополя». Среди описаний различных памятников столицы там

названа скульптура на площади Тавра, в свое время доставленная из Антиохии. На ее постаменте находились, согласно «Родословной», барельефы, изображавшие «последние дни Города перед разрушением его росами». Предсказание о разрушении Константинополя русинами свидетельствует о страхе перед ними, который разжигал воображение народа даже больше, чем страх перед арабами или болгарами. Этот необычайно устойчивый, почти суеверный страх, переросший в эсхатологические пророчества, вероятно, имел свое основание в совершенно неожиданных нападениях русинов на столицу Византии. Важно, что это убеждение существовало и после официального их крещения, приблизительно в 995 г., когда составлялась упомянутая «Родословная Константинополя».

Таким образом, несмотря на то что между византийским императором и русским великим князем сложились новые, дружественные отношения, общее настроение народа по отношению к русинам оставалось неизменным. В нем лишь утвердился давний апокалиптический взгляд на близящийся конец существования города, одной из разрушительных сил которого и будут русские войска. Безусловно, эта навязчивая идея о конце города и конце истории была связана с суеверным оживлением в ожидании близившегося тысячелетия от Рождества Христова. Но здесь важен факт, что жителями столицы империи будущее разрушение их города связывалось именно с русинами, которые выступали как предвестники конца света [28: 216–218, 243]. Ромейская традиция отождествляла «росов» и «тавроскифов» с Рошем, апокалиптическим предводителем безбожных народов Гог и Магог в Книге Иезекииля [31: 89–96, 108–111]. В представлении византийцев русины были особенно ярыми и упорными язычниками, ревностно сохранявшими наиболее древние и страшные обычаи. Предубеждение против них было общенародным настроением [28: 216–217]. Естественно, это воззрение было отнюдь не безосновательным и все время подкреплялось общей религиозной ситуацией на территории Руси, бытом и нравами русинов, а также антивизантийскими и антихристианскими настроениями среди их аристократии и правителей. После 988 г. вхождение Киевской Руси в состав византийской христианской ойкумены стало фактом, но в качестве полноправного члена она еще долго не признавалась высшими классами Византийской империи, а рассматриваясь как часть варварского мира. Пселл в своей «Истории», написанной в середине XI в., относится к тавроскифам как к варварам, и Русь для него все еще остается языческой. Более того, он видит в них заклятых врагов: «Это варварское племя всегда питало яростную и бешеную ненависть против греческой игемонии; при каждом удобном случае изобретая то или другое обвине-

ние, они создавали из него повод для войны с нами» (VI. 90–91, 96). В XI ст. в византийском политическом мышлении Русь оставалась вне пределов идеальной христианской вселенной ромеев [1: 304; 28: 244; 29: 129, 132]. Вот авторы панно и потешили прихожан, изобразив, как поджаривают на адском костре главных апокалиптических врагов Византии, как ниспровергают в огонь их заносчивого князя-язычника. Ведь согласно толкованию на Апокалипсис архиепископа Андрея Кесарийского [21: 63], огонь, сошедший с неба, поразит Гог и Магог – северные отдаленные народы из скифских земель, дерзновенно посмевавшие ополчиться против церкви Христовой и богоспасаемого города, и будут они ввергнуты в огненное озеро, где станут подвергаться вечным мучениям [6: 211–212].

По мнению исследователей, работа над этой большой мозаикой должна была продолжаться с 60-х или 70-х гг. до самого конца XII в. [12: 195]. Отмечают и несколько радикальную манеру, в которой властные лица изображены там на видном месте среди проклятых, включая вероятных султана сельджуков, византийского императора, венецианского дожа и германского императора. Да и сама тема Страшного Суда более характерна для западной церкви, нежели для Византии. Но тем не менее мозаика отражает именно византийские воззрения.

Средневековые греческие наименования не являлись категорией, обозначавшей только этническую принадлежность, но содержали в себе общее, закреплённое традицией представление о месте поселения, образе жизни, деятельности, быте, внешнем виде, нравах народа [15: 247]. Внешность варваров в представлении византийцев была неотделима от черт их характера, что засвидетельствовал в конце XIII в. историк, философ и ритор Георгий Пахимер в своей хронике [2: 32]: «Над всеми ими начальствовал Рос Солима, превосходивший их своим самомнением, – человек очень большого роста, с гордою душою, с минами презрения в обращении, с рыжими волосами и с высокомерием вспыльчивого характера. Оттого, я думаю, и получил он это название, из-за сходства с россам» [4: 470–471; 14: 641, 643].

Итак, византийские авторы воспринимали русинов как четко обозначенную этническую общность, народность со свойственными ей культурными признаками и характерными чертами. В число этих черт входили вспыльчивый, гордый характер, светло-голубые глаза, светлые волосы, продолговатые лица, обычай мужчин брить бороду и голову, носить длинные вислые усы и длинную незаплетенную прядь волос на голове, означавшую благородное происхождение, а также серьгу в ухе. Белая, очевидно, полотняная рубаха русского князя

византийцами воспринималась как проявление типично варварской простоты нравов.

Представляется откровенно надуманным мнение, что описание внешности князя Святослава у Льва Диакона было сконструировано как «суррогатный» литературный образ побежденного правителя, которого ведут во время триумфа римского императора, при том что сам автор тут же оговаривается, что Святослав не был пленен и выставлен на триумфальное шествие [17: 105]. Традиционное для российской историографии и в особенности для околонучной публицистики предположение, что Святослав перенял обычаи и манеру одеваться у своих союзников-кочевников, тоже кажется крайне маловероятным. Во-первых, именно указанная прическа не зафиксирована в средние века ни у одного тюркского этноса. Во-вторых, такая ключевая фигура архаического социума, как князь, который имел определенные сакральные функции и образ жизни которого был регламентирован, вряд ли могла следовать минутным веяниям моды. Дьякон Лев Калойский, как и император Константин Порфирогенет, очень хорошо знал печенегов, к которым, кстати, был явным образом неблагосклонен. Он не преминул бы отметить, что Святослав Хоробрый выглядит как печенег, что он носит прическу, принятую у печенегов. Византийцы хорошо знали печенежских воинов и князей. Большинство наших знаний о печенегах происходит из византийских трактатов [10: 143–155; 18: 85–99; 20; 21; 22; 24; 32]. Иногда молчание источников красноречивее, чем их слова. Предположение же относительно попытки подражать обычаям какой-то чужеземной аристократии из-за претензии на власть в чужих землях отдает модернизацией поведенческих моделей князя X в. и, следовательно, также маловероятно.

Латиноязычные источники свидетельствуют о том, что такую прическу носил не только Святослав в силу какого-то своего экзотического происхождения или пристрастий, но и все мужчины, принадлежавшие к воинской аристократии Руси. Аналогичная прическа – длинная прядь волос на бритой голове, закрученная за левое ухо, – с тем же значением благородного происхождения (*in signum nobilitatis*) зафиксирована как общее явление в первой половине XIII в. у знатных русинов Тмутаракани доминиканским миссионером братом Юлианом из Венгрии [7: 22, 27, 31]. Таким образом, данная прическа была одним из элементов символического кода, обозначавшего социальную принадлежность индивида, своего рода маркировочным знаком. Прослеживается одинаковая мотивация этой прически на протяжении веков, одна и та же в разные периоды. Сомнительно, чтобы русины регулярно, каждое столетие подряд совершали ее заимствование,

отправляясь за этим к какому-то соседнему народу. Поэтому предположение о неиндоевропейских истоках данной прически, которое часто обыгрывается в политических целях, не выдерживает никакой критики.

Следует также отвергнуть присущее российским византинистам представление о византийской историографии как об эпигонском наборе цитат и аллюзий. Важность византийских письменных и изобразительных памятников как источника сведений этнографического характера о внешности русинов лишний раз доказывает несостоятельность традиционного взгляда на Византию исключительно как на период тысячелетней культурной стагнации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильевский В.Г.* Труды. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1908. Т. 1. 403 с.
2. *Комнина А.* Алексиада / Вступ. ст., пер., ком. Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1965. 688 с.
3. *Лев Диакон.* История / Пер. М.М. Копыленко; статья М.Я. Сюзюмова; ком. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988. 240 с.
4. *Пахимер Г.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг. СПб.: типография департамента уделов, 1862. Т. 16: Царствование Михаила Палеолога. 1255–1282 / Перевод под редакцией профессора Карпова. XXI, 512 с.
5. *Покровский Н.В.* Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса: Типография А. Шульце, 1887. Т. III. С. 285–381.
6. *Andrew of Caesarea.* Commentary on the Apocalypse / Translated by Eugenia Scarvell Constantinou. Washington: The Catholic University of America Press, 2011. XIV, 270 p.
7. *Bendefy L.* Fontes autentici itinera (1235–1238) fratres Iuliani illustrantes // Archivum Europae Centro-Orientalis. Budapest, 1937. T. III. Fasc. 1–3. P. 1–52.
8. *Blondal S.* The Varangians of Byzantium. An Aspect of Byzantine Military History / Translated, revised and rewritten by Benedikt S. Benediktz. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 242 p.
9. *Comnenae A.* Alexiadis. Libri XV. Graeca ad codd. fidem nunc primum recensuit, novam interpretationem latinam subiecit, Car. Ducangii commentarios suasque annotationes addidit Ludovicus Schopenus. Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1839. XLIX, 461 p.
10. *Curta F.* The Image and Archaeology of the Pechenegs // Banatica. Reșița, 2013. Vol. 23. P. 143–202.
11. *Cutler A.* Imagery and Ideology in Byzantine Art. Hampshire: Variorum, 1992. X, 324 p.

12. *Demus O.* Studies among the Torcello Mosaics-III // The Burlington Magazine for Connoisseurs. London, 1944. Vol. 85, № 497. P. 195–200.

13. *Garidis M.K.* Etudes sur le Jugement Dernier post-Byzantin du XVe à la fin du XIXe siècle: Iconographie – esthetique. Θεσσαλονικη: Εταιπεια Μακεδονικων Σπογδων Επιστημονικαι πpαγματειαi – σειpa φιλολογικη και θεολογικη, 1985. 167, 66 p.

14. *Georges Pachymérès* Relations Historiques. II. Livres IV–VI / Édition et notes par Albert Failler, traduction française par Vitalien Laurent. Paris: Société d'édition «Les belles lettres», 1984. 667 p.

15. *Gyóni M.* Le nom de Βλάχοι dans l'Alexiade d'Anne Comnène // Byzantinische Zeitschrift. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1951. Bd. 44. Festschrift Franz Dölger zum 60. Geburtstag gewidmet. S. 241–252.

16. *Hughes D.O.* Distinguishing Signs: Ear-Rings, Jews and Franciscan Rhetoric in the Italian Renaissance City // Past and Present. 1986. № 112. P. 3–59.

17. *Kaldellis A.* Ethnography after Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Empire and After. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. X, 277 p.

18. *Kozlov S.A.* More than Enemies. The Description of Nomads the Byzantine Literature of the Epoch of the First Pecheneg Incursions into Byzantium // Rules and Violence: On the Cultural History of Collective Violence from Late Antiquity to the Confessional Age. Berlin-Boston: Walter de Gruyter, 2014. P. 83–99.

19. *Leonis D.* Caloënsis Historiae libri decem et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / E recensione Caroli Benedicti Hasii. Addita eiusdem versione atque annotationibus ab ipso recognitis. Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1828. X, XXXVIII, 624 p.

20. *Madgearu A.* The Pechenegs in the Byzantine Army // The Steppe Lands and the World Beyond Them: Studies in Honor of Victor Spinei on His 70th Birthday. Iași: Ditura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2013. P. 207–218.

21. *Malamut E.* L'image byzantine des Petchénègues // Byzantinische Zeitschrift. Stuttgart-Leipzig: Teubner, 1995. Bd. 88. S. 134–142.

22. *Meško M.* Pecheneg Groups in the Balkans (ca. 1053-1091) according to the Byzantine Sources // The Steppe Lands and the World Beyond Them: Studies in Honor of Victor Spinei on His 70th Birthday. Iași: Ditura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2013. P. 179–205.

23. *Milošević D.* The Last Judgment. New York: Catholic Art Book Guild, 1966. 75 p.

24. *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Leiden: E.J. Brill, 1983. II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. XXV, 376 s.

25. *Musolino G.* Torcello: the Jewel of the Lagoon. Venice: Istituto tipografico editoriale, 1964. 78 p.

26. *Niero A.* The Basilica of Torcello and Santa Fosca's. Venice: Ardo; Edizioni d'Arte, 1978. 60 p.

27. *Polacco R.* La cattedrale di Torcello. Venezia: L'Altra Riva; Canova, 1984. 156 p.

28. *Poppe A.* Political Background of the Baptism of Rus. Byzantine-Russian

Relations 986–989 // *Dumbarton Oaks Papers*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1976. Vol. 30. P. 197–244.

29. *Psellus M.* The History of Psellus / Edited with critical notes and indexes by C. Sathas. London: Methuen & Co., 1899. X, 384 p.

30. *Raffensperger Ch.* Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World. Cambridge: Harvard University Press, 2012. 329 p.

31. *Ruthven J.M.* The Prophecy That Is Shaping History: New Research on Ezekiel's Vision of the End. Fairfax: Xulon Press, 2003. VII, 184 p.

32. *Strässle P.M.* Das Feindbild der Petschenegen im Byzanz der Komnenen (11/12. Jahrhundert) // *Byzantinische Forschungen: internationale Zeitschrift für Byzantinistik*. Amsterdam, 2004. Bd. 28. S. 297–313.

33. *Ševčenko I.* Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures // *Slavic Review*. Cambridge, 1965. Vol. 24, № 4. P. 709–713.

34. *Young P.* The Fighting Man: from Alexander the Great's Army to the Present Day. New York: The Rutledge Press, 1981. 238 p.

REFERENCES

1. Vasilyevskiy, V.G. (1908) *Trudy* [Works]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

2. Komnene, A. (1965) *Aleksiada* [The Alexiad]. Translation by Ya.N. Lyubarsky. Moscow: Nauka.

3. Leo the Deacon. (1988) *Istoriya* [The History]. Translated by M.M. Kopylenko. Moscow: Nauka.

4. Pachymeres, G. (1862) *Istoriya o Mikhaile i Andronike Paleologakh. Trinadtsat knig* [The History of Michael and Andronic Paleologues. Thirteen books]. Vol. I. Translated by Karpov. St. Petersburg: Printing house of the Department of Appanages.

5. Pokrovsky, N.V. (1887) *Strashnyy sud v pamyatnikakh vizantiyskogo i russkogo iskusstva* [The Last Judgment in the Monuments of Byzantine and Russian Art]. Odessa: A. Shulze.

6. Andrew of Caesarea. (2011) *Commentary on the Apocalypse*. Translated by E. Scarvelles Constantinou. Washington: The Catholic University of America Press.

7. Bendefy, L. (1937) *Fontes autentici itinera (1235–1238) fratres Iuliani illustrantes*. In: *Archivum Europae Centro-Orientalis*. III. 1–3. pp. 1–52.

8. Blondal, S. (1978) *The Varangians of Byzantium. An Aspect of Byzantine Military History*. Translated by B.S. Benediktz. Cambridge: Cambridge University Press.

9. Comnenae, A. (1839) *Alexiadis. Libri XV. Graeca ad codd. fidem nunc primum recensuit, novam interpretationem latinam subiecit, Car. Ducangii commentarios suasque annotationes addidit Ludovicus Schopenus*. Bonnae: Impensis Ed. Weberi.

10. Curta, F. (2013) The Image and Archaeology of the Pechenegs. *Banatica*. 23. pp. 143–202.

11. Cutler, A. (1992) *Imagery and Ideology in Byzantine Art*. Hampshire: Variorum.

12. Demus, O. (1944) Studies among the Torcello Mosaics-III. *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. 85(497). pp. 195 – 200.
13. Garidis, M.K. (1985) *Etudes sur le Jugement Dernier post-Byzantin du XVe à la fin du XIXe siècle: Iconographie – esthétique*. Thessaloniki: Εταιρεία Μακεδονικών Σπογδων Επιστημονικαι πpαγματειαι – σειpa φιλολογικη και θεολογικη.
14. Pachymérès, G. (1984) *Relations Historiques*. Vols. IV–VI. Paris: Société d'édition “Les belles lettres”.
15. Gyóni, M. (1951) Le nom de Βλάχοι dans l’Alexiade d’Anne Comnène. *Byzantinische Zeitschrift*. 44. pp. 241 – 252.
16. Hughes, D.O. (1986) Distinguishing Signs: Ear-Rings, Jews and Franciscan Rhetoric in the Italian Renaissance City. *Past and Present*. 112. pp. 3 – 59.
17. Kaldellis, A. (2013) *Ethnography after Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Empire and After*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
18. Kozlov, S.A. (2014) More than Enemies. The Description of Nomads the Byzantine Literature of the Epoch of the First Pecheneg Incursions into Byzantium. In: Dietl, C. (ed.) *Rules and Violence: On the Cultural History of Collective Violence from Late Antiquity to the Confessional Age*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter. pp. 83 – 99.
19. Leonis Diaconi Caloënsis. (1828) *Historiae libri decem et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti*. E recensione Caroli Benedicti Hasii. Addita eiusdem versione atque annotationibus ab ipso recognitis. Bonnae: impensis Ed. Weberi.
20. Madgearu, A. (2013) The Pechenegs in the Byzantine Army. In: Curta, F. & Maleon, B.P. (eds) *The Steppe Lands and the World Beyond Them: Studies in Honor of Victor Spinei on His 70th Birthday*. Iași: Ditura Universității “Alexandru Ioan Cuza”. pp. 207 – 218.
21. Malamut, E. (1995) L’image byzantine des Petchénègues. *Byzantinische Zeitschrift*. 88. pp. 134 – 142.
22. Meško, M. (2013) Pecheneg Groups in the Balkans (ca. 1053–1091) according to the Byzantine Sources. In: Curta, F. & Maleon, B.P. (eds) *The Steppe Lands and the World Beyond Them: Studies in Honor of Victor Spinei on His 70th Birthday*. Iași: Ditura Universității “Alexandru Ioan Cuza”. pp. 179 – 205.
23. Milošević, D. (1966) *The Last Judgment*. New York: Catholic Art Book Guild.
24. Moravcsik, G. (1983) *Byzantinoturcica*. Leiden: E.J. Brill.
25. Musolino, G. (1964) *Torcello: the Jewel of the Lagoon*. Venice: Istituto tipografico editoriale.
26. Niero, A. (1978) *The Basilica of Torcello and Santa Fosca’s*. Venice: Ardo; Edizioni d’Arte.
27. Polacco, R. (1984) *La cattedrale di Torcello*. Venezia: L’Altra Riva; Canova.
28. Poppe, A. (1976) Political Background of the Baptism of Rus. Byzantine-Russian Relations 986–989. *Dumbarton Oaks Papers*. 30. pp. 197 – 244.
29. Psellus, M. (1899) *The History of Psellus*. London: Methuen & Co.
30. Raffensperger, Ch. (2012) *Reimagining Europe: Kievan Rus’ in the Medieval World*. Cambridge: Harvard University Press.
31. Ruthven, J.M. (2003) *The Prophecy That Is Shaping History: New Research on Ezekiel’s Vision of the End*. Fairfax: Xulon Press.

32. Strässle, P.M. (2004) Das Feindbild der Petschenegen im Byzanz der Komnenen (11/12. Jahrhundert). *Byzantinische Forschungen*. 28. pp. 297–313.
33. Ševčenco, I. (1965) Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures. *Slavic Review*. 24(4). pp. 709–713.
34. Young, P. (1981) *The Fighting Man: from Alexander the Great's Army to the Present Day*. New York: The Rutledge Press.

Рахно Константин Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального музея-заповедника украинского гончарства в Опошном (Украина).

Kostyantyn Yu. Rakhno – National Museum of Ukrainian Pottery in Opishne (Ukraine).

E-mail: krakhno@ukr.net